

Грохот орудий, захлебывающийся стрекот пулеметов — Чжао Баи постепенно ушел с головой в боевую учебу. Барабанные перепонки, казалось, вот-вот лопнут от оглушительного шума. Двое старослужащих из экипажа уже высунулись по пояс из люков, ведя огонь по мишеням. Юань Бинхуа тоже вошел в азарт: открыл свой смотровой лючок и всю палил по целям. Баи, заразившись общим настроением, напроцъ забыл, где находится.

Мазнув взглядом по сосредоточенному лицу их командира-красавца, уверенно зажимавшего рычаги управления, Чжао Баи вспомнил недавние объятия — те самые, что удержали его и вдохнули новые силы. Сердце забилося чаще, словно в кровь впрыснули чистый адреналин. Баи высунулся из люка. Дослать патрон, прицелиться, выстрел! А парень-то оказался на удивление метким — стрелял без промаха, будто самой природой был создан для снайперского дела.

Пусть из-за бешеной тряски танка и непривычного полигона удержать равновесие было непросто, а прицел то и дело сбивался, Баи действовал хладнокровно и решительно. Попадал он не каждым выстрелом, но стабильно поражал мишени — для зеленого новобранца результат выдающийся.

Над полигоном клубился сизый пороховой дым. В отдалении то и дело вздымались султаны земли от разрывов снарядов, взметая к небу желтую пыль, на фоне которой грязно-зеленый силуэт бронированной машины казался хищным зверем. Оглушительный грохот взрывов сливался со скрежетом гусениц и ревом дизеля. Это было не кино, и сам он — не актер на съемочной площадке. Все происходило наяву. Настоящая, суровая армейская пахота. Чжао Баи впервые по-настоящему, всей кожей понял, что такое поле боя и в чем заключается долг солдата.

Здесь не было места малодушию или отступлению — только движение вперед, сквозь огонь и железо. Кровь закипала в жилах от бешеного азарта, и в груди Чжао Баи всколыхнулось то забытое чувство, которое он испытал в свой самый первый день в Пятой роте.

Когда изнурительный день подошел к концу и Чжао Баи вернулся в казарму, в ушах у него все еще монотонно звенело. Пальцы, весь день сжимавшие автоматную рукоять, мелко дрожали. Пропыленный камуфляж пропитался запахом гари и пота. Опустившись на свою койку, Баи отрешенно разглядывал мозолистые ладони.

Он ведь не впервые держал в руках оружие, но именно сегодня ощущение тяжести холодного металла врезалось в память глубже всего, заставив сердце биться в сумасшедшем ритме.

— Что, наложил в штаны со страху?

В холодном голосе сквозила легкая усмешка. Чжао Баи сначала увидел запыленные армейские берцы со шнуровкой, в которые были небрежно заправлены широкие брюки камуфляжа. Парень поднял глаза. Ван Ан уже успел скинуть верхнюю форму и стоял в одной облегающей майке, скрестив руки на груди.

Под плотной тканью майки проступал рельеф крепкого, поджарого тела с идеальным мужским

силуэтом: широкие плечи, плавно переходящие в узкую талию, перехваченную грубым армейским ремнем. Лицо командира было испачкано копотью, но даже серая пыль не могла скрыть его породистой, утонченной красоты. У Чжао Баи мгновенно пересохло в горле. Все посторонние мысли разом вымело из головы — он бесстыдно залюбовался парнем, утопая в его жестком мужском магнетизме.

«Да с такой внешностью никакие пластические хирурги не нужны, изнеженные столичные звезды и рядом не стояли, — подумал Баи. — И надо же было такому красавцу пойти в армию! Правду говорят: в наших войсках сокрыты настоящие драконы».

— Эй, оглох, что ли?

Ван Ан заметил этот замороженный, преданный взгляд, каким дети смотрят на карамель на палочке. Он нахмурился. Неужели этот изнеженный барчук действительно перепугался до полусмерти? Неужели он настолько хлипкий?

Чтобы проверить догадку, Ван Ан помахал ладонью перед самым его носом.

— А? Что?.. Кто здесь?

Мелькание тонких пальцев наконец привело Чжао Баи в чувство. Щеки его мгновенно залило краской. Он, конечно же, прослушал всё мимо ушей и теперь выдал какую-то совершенно нечленораздельную чушь, глупо моргая.

— Чего ты «акаешь»? Я спрашиваю: живой после стрельб?

Тут до Баи наконец дошло, перед кем он сидит и о ком только что пускал слюни. Смутившись еще сильнее, он рефлекторно попытался вскочить с койки, чтобы вытянуться во фрунт и отрапортовать по форме. Беда в том, что он в очередной раз позабыл: это не его огромная домашняя кровать, а тесный кубрик с двухъярусными железными нарами.

Бам!

Ван Ан даже непроизвольно зажмурился, словно сам приложился макушкой о швеллер. Что уж говорить о несчастном товарище Чжао Баи.

Стиснув зубы и отчаянно шипя от боли, пострадавший схватился за многострадальный лоб. На соседней койке покатались со смеху Линь И и Цинь Лу. Последний, согнувшись пополам и зажимая руками вздрагивающий от хохота живот, погладил железную балку, о которую приложился Баи, и запричитал на своем южном диалекте:

— Ой, бедный ты наш каркас железный, больно тебе, поди? У нашего-то Баи котелок чугунный, он им Великую стену прошибить может, не то что тебя! И надо же было так не повезти...

Стояла себе мирно, никого не трогала, так нет же — прилетел снаряд тяжелого калибра! Вот ведь доля твоя горькая...

При этих словах Цинь Лу даже притворно смахнул скупую слезу. Артистизм парня в сочетании с уморительной интонацией заставил грохнуть со смеху все отделение. Линь И так неистово колотил ладонью по матрасу, выражая свой восторг, что едва не проломил доски. И даже навечно застывшая ледяная маска на лице Ван Ана наконец дала трещину — в уголках его губ промелькнула едва заметная улыбка.

<http://bllate.org/book/18247/1764855>